

стилей: в «деловом» — «документальном» стиле летописи появляются повести о феодальных преступлениях, разработанные описания последних дней, а иногда и часов жизни выдающихся чем-либо князей, наиболее примечательных событий их княжений, воинских эпизодов; в житийном стиле автор подчеркивает святость своего героя, рисуя его столкновение с особо противоречащей христианскому идеалу действительностью — в таких случаях описание этой действительности становится не документально «достоверным», но художественно правдивым; лучшие примеры художественно правдивого изображения жизни в героическом стиле дает «Слово о полку Игореве»; в дидактической литературе основная — нормативная задача побуждает предостерегать читателя яркими картинками «греховной» жизни и т. д.

Наблюдая во всех такого рода эпизодах наличие художественно правдивого, сделанного не без участия художественного вымысла изображения действительности, которое воздействует на читателя самой выразительностью описания, умелым подбором сильных деталей, не только точностью, но и эмоциональностью, исследователи усматривают в этом способе литературного изложения проявление реалистических тенденций древнерусской литературы.

Термин «реалистический» в этом определении не соотносится с понятием реализма как литературного направления XIX в., а лишь противопоставляет эти тенденции идеалистическим в целом художественным системам средневекового искусства, с одной стороны, и «документальному» отражению реальности жизни — с другой.

Напомним, что и историки древнерусского изобразительного искусства одной из важнейших своих задач полагают «вскрыть в культовых по своему назначению произведениях, созданных кистью древнерусских художников, те народные черты, которые неизменно проникали в мир религиозных представлений и которые способствовали смягчению средневекового аскетизма».

Эти народные черты историки искусства вели от тех «крепких славянских художественных традиций», начало которых коренится в «художественной культуре славянских племен и в искусстве античного и скифского Причерноморья» и которые обусловили «творческую переработку заносных греческих форм и своеобразие древнейших памятников русского монументального искусства».¹¹ Эти «народные черты» историки искусства определяют как «реалистические», «здоровые реалистические черты», «реалистические детали» или «мотивы», следующим образом характеризую их содержание: «...здоровое ощущение реальности, острая наблюдательность, живой юмор, тонкое поэтическое чувство. Они способствовали ослаблению насаждаемого церковью аскетизма, помогали творческой переработке византийского наследия в направлении более широкого приятия мира». Эти «народные», или «реалистические», черты противостояли «канонической системе мышления»,¹² т. е. системе идеалистической. Внесение их в рамки религиозно-легендарных сюжетов опиралось не только на народную традицию, но и на личную наблюдательность художника. Трудно, например, не согласиться с В. Н. Лазаревым, когда он пишет, что Андрей Рублев «берет краски для своей палитры не из традиционного цветового канона, а из окружающей его русской природы, красоту которой он, несомненно, чувствовал как никто другой».¹³

¹¹ История русского искусства, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 7.

¹² История русского искусства, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 384.

¹³ История русского искусства, т. III. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 185.